

УДМУРТСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ
ИНСТИТУТ ЭКОНОМИКИ И УПРАВЛЕНИЯ

**СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ
РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ**

Тезисы
научной аспирантско-студенческой конференции
экономического и философско-социологического
факультетов УдГУ

Ижевск 2000

СОЦИАЛЬНЫЕ И ЭКОНОМИЧЕСКИЕ АСПЕКТЫ РАЗВИТИЯ ТЕОРИИ И ПРАКТИКИ

Тезисы
научной аспирантско-студенческой конференции экономического
и философско-социологического
факультетов УдГУ

Тезисы, представленные на 4-х секциях ФСФ и ЭФ отражают исследовательские интересы и результаты аналитических исследований студентов и аспирантов вышеперечисленных факультетов. В сборник вошли материалы, признанные лучшими на секционных заседаниях.

мешать нечто, лежащее вне его бытия.

Принципиально иную позицию при рассмотрении феномена языка обнаруживает философская герменевтика М. Хайдеггера и Г. Гадамера: субъект-объектное тождество утверждается в тождестве бытия и языка. Язык как реальность никогда не выходит за пределы герменевтического круга, так как сам образует последний в бытийном горизонте сказа. Целостность языковой реальности сохраняется в точке тождества (Я), где знак и значение взаимопринадлежны смыслу произносимого. Местоимение точки говорящим Я обеспечивает сущностное единство проговариваемого - понимание и смысл здесь опять же равносходно тождественны. В результате, проблема несоответствия знака и значения снимается внутри герменевтики через самоидентификацию тождества в границах языковой реальности как собственно языковой.

А.А. Шадрин
аспирант кафедры философии УдГУ

Герменевтический аспект тождества знака и значения

Проблема соответствия знака означаемому занимает едва ли не центральное место как внутри философской системы знания, так и в науках, предметом изучения которых является язык в его функциональной принадлежности к той или иной области познаваемого, - логике, лингвистике, психологии и т. д. Собственно философский анализ представленной темы возможен лишь при условии её рассмотрения в категориях субъекта и объекта и возникающих между ними отношений. В качестве определяющих здесь могут быть обнаружены два подхода, или две традиции. Первая из них непосредственно связана с методом противопоставления (противоречия) внутри субъект-объектного тождества (И. Фихте: $A = \text{не-}A$, Г. Гегель: тезис=антитезис=синтез), где изначально задаются две точки, две части, объединение которых служит конечной целью исследования; и вторая - разработанный Ф. Шеллингом метод диалектики тождества, включающий в себя только одну точку, один принцип, и гарантирующий, таким образом, исходную целостность развёртываемой из него системы ($S=O$, $A=A$, $Я=Я$). Оба подхода находят своё применение и в различных направлениях фило-

софской мысли XX века, в частности, в аспекте взаимоотношений знака и значения.

Философская герменевтика М. Хайдеггера и Г. Гадамера, продолжая путь, намеченный Шеллингом, утверждает субъект-объектное тождество в тождестве бытия и языка. Попытаемся проследить, при каких обстоятельствах подобное «перерождение» становится возможным и уместно ли здесь говорить о некоем «возрождении» тождества как принципа, способного по-новому осветить интересующую нас проблему означающего и означаемого.

Доклад М. Хайдеггера «Закон тождества» ставит своей целью осмыслить, что представляет собой формула $A=A$, при помощи которой обычно выражают отношение (содержание) тождественности. Отношение равенства двустороннее. Оно проявляет себя именно как отношение двух - равнозначных или равномерных - величин. Но латинское «idem» - «то же самое» - говорит о том, что «нечто может быть тем же самым, обходясь только одной стороной»⁷.

$A=A$ свидетельствует о равенстве, но не обозначает A как то же самое. Формулировка, точно раскрывающая то, что закон тождества хотел бы выразить, гласит: A есть A .

Далее Хайдеггер приводит одно из высказываний Платона («Теперь каждое из двух, несомненно, есть иное, однако само в себе - то же самое», «Софист» (254 d)) и заключает следующее: всякое нечто само по себе есть не только то же самое, но, прежде всего, оно есть то же самое по отношению к себе.

Однако, единение в единстве «даёт лишь очевидность абстрактной тождественности»⁸ Поиск указания на выраженную сопричастность тождества существу всего сущего обращает взгляд Хайдеггера на сердцевину формулировки A есть A - на «есть»: «Закон тождества выражает нечто относительно бытия сущего. В качестве закона мышления он имеет значение только в той мере, в какой он есть закон бытия, говорящий: всякому сущему как таковому присуще тождество, единство с самим собой»⁹.

Теперь перед нами возникает тождество бытия и мышления, изречение Парменида («Одно и то же - внимать (мыслить) и быть») лишь подтверждает уже произнесённое - услышанное Хайдеггером в «есть».

⁷ Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. С.69

⁸ Там же. С.70

⁹ Там же С. 71

Но Парменид задаёт загадку: что значит «одно и то же» (как-то же самое)?

Очевидно, мышление и бытие взаимопринадлежны тому же самому и вместе исходят из него одного. Причём если взаимность может быть каким-то образом ограничена, то принадлежность, акцентированная Хайдеггером, вводит нас в открытость - человека и бытия друг другу - как таковую.

Соприсутствие взаимопринадлежности коренится в Событии: «Слово «Событие» мы должны теперь использовать как ведущее слово в деле мышления (...). Как понятое таким образом ведущее слово, оно так же непереводаемо, как греческое ведущее слово «логос» и китайское «дао». Слово «Событие» означает лишь то, что мы порой называем «случай» или «происшествие». (...) То, что им обозначается, имеет место лишь как единичное, нет, не однородное, но единственное».¹⁰

Событие как событие оказывается для человека ближайшим - тем самым одним и тем же, в котором и из которого мышление и бытие соответствуют единству целого. Отсюда - не событие имеет отношение к тождеству, а, наоборот, «тождество имеет много отношений, если не все, к Событию»¹¹.

«Сущность тождества есть собственность Сбывающегося»¹². И далее: «В Событии мы обретаем сущностное мерцание того, что изречается речью, того, что было однажды названо домом бытия»¹³.

То, к чему пришёл Хайдеггер в результате осмысляемой им сущности тождества, явленного в событии речи, снимает проблему несоответствия знака означаемому, поскольку тождество бытия и мышления, тут же развертывающееся («перерождающееся») в паре тождеств бытие=язык и язык=мышление, уже всегда обнаруживает бытие языка как себестождественное («возрожденное»), то есть реализовавшее тождество знака и значения.

Работа Хайдеггера «Путь к языку» как бы очерчивает собой герменевтический круг, в котором направление и способ круговращения определяются самим языком. Поэтому «дать слово языку как языку» - значит освободить (отпустить) последний от себя к себе с един-

---

¹⁰ Хайдеггер М. Разговор на просёлочной дороге. М.: Высшая школа, 1991. С.69

¹¹ Там же. С.78.

¹² Там же. С.78

¹³ Там же. С.78.

ственной целью: нащупать в переплетении языка «развязывающую» его нить.

«В области языка открывается многосложность элементов и взаимосвязей. Они подверглись учёту, однако не были приведены в связь. В ходе их перечисления, т.е. того первоначального учёта, когда нет ещё счёта числами, были добыты свидетельства взаимопринадлежности элементов. Подобный учёт всегда ведётся в расчёте на приведение взаимопринадлежащих элементов к единству, однако, не способен вывести это единство на свет»¹⁴.

Искомое единство области языка Хайдеггер называет разбиением или размещением, внутри которого обнаруживают себя говорящие. Говорящие высказываются, в то время как сам язык коренится именно в горизонте сказа. Хотя сущность указывания не находит себя ни в каком знаке, тем не менее все они возникают из указывания, «в области которого и для целей которого они могут быть знаками»¹⁵. Поскольку знак и значение взаимопринадлежны событию речи, то языковая реальность (сказ) содержит их в качестве само указывания явного.

Между тем, сам язык как сказ есть указывание: «Он освобождает присутствующее в то или иное его присутствие, высвобождает отсутствующее в то или иное его отсутствие»¹⁶. Хайдеггер выделяет особление как побуждающее в указывании сказа. Особление есть событие в его осуществлении, собственно происходящее, пребывающее в языке.

Таким образом, путь к языку оказывается мыслью, следующей за существом языка, говорящей ему вслед то, что он предоставляет нам в горизонте собственного сказа.

Г. Гадамер подчёркивает, что языковой опыт мира абсолютен¹⁷. Однако основополагающая связь между языком и миром не означает опредмечивания последнего, поскольку то, что является предметом познания в высказывании, уже всегда окружено мировым горизонтом языка. Речь здесь идёт, по сути, о единстве языковой реальности, внутри которой не может быть опредмечено нечто инородное, то есть внеязыковое. Мир всецело заключён в языке и сохраняет собственную целостность только в его пределах (язык=мир).

¹⁴ Хайдеггер М. *Время и бытие: Статьи и выступления*. М.: Республика, 1993. С.264

¹⁵ Там же. С.266

¹⁶ Там же. С.268

¹⁷ Гадамер Г. Г. *Истина и метод: Основы философской герменевтики*. М.: Прогресс, 1988. С.520

В итоге, проблема несоответствия знака и значения снимается внутри герменевтического круга в исходном принципе тождества бытия и языка. Названной проблемы не существует до тех пор, пока соблюдается целостность языковой системы, не выходящей за границы собственной реальности как собственно языковой.

А.А. Шадрин
аспирант кафедры философии УдГУ

Проблема дискурсивной позиции субъекта в концепции Ж. Лакана

Работы Ж.Лакана, посвященные проблеме субъекта и его позиции в дискурсе (в частности, “Инстанция буквы в бессознательном или судьба разума после Фрейда”, “Ниспровержение субъекта и диалектика желания в бессознательном у Фрейда” и др.) повлекли за собой не только пересмотр ряда положений классического психоанализа в его европейском (французском) варианте, но, также, существенно повлияли на развитие философского структурализма (Ж.Батай, Р.Барт) и постструктурализма (Ж. Делез, Ж. Деррида). В постструктурализме, например, концепция Лакана, стимулировала поиск предельных оснований философской дискурсивности, что привело (через критику декартовского тезиса) к децентрализации субъекта познания и возникновению значительных трудностей, связанных с введением в философию “нулевых” конструктов мышления.

Поэтому вопрос Лакана “о том, тождествен ли я, когда я говорю о себе, тому, о ком я говорю”, можно охарактеризовать как основной, сопровождающий любую, – в том числе и предпринятую нами ниже – попытку определения места, занимаемого в речи субъектом говорения.

Проблема здесь, на наш взгляд, заключается в следующем. С одной стороны, говорящий уже каким-то образом – в той или иной форме – всегда представлен в речевом потоке, с другой же – та форма или те означающие, которые он при этом использует, в пределе постоянно отсылают его к ближайшему для него знаку. Таковым является местоимение “я”. Но поскольку “я” говорящего в качестве я-артикулирующего не указывает ни на что, кроме самого себя, постольку оно оказывается пустым именем, обладающим пустым смыс-